

Глава 5: Мозги и цепи

После нашей встречи с Кадзуо и успешного тестирования печати, чтобы стать официальным учеником мастера печатей, я решил ускорить темп своих личных исследований. Для того чтобы Узушио и Узумаки выжили, нам нужно было увеличить наши силы. Чтобы успеть подготовить его вовремя, мне нужно было что-то, что увеличило бы скорость моей работы и обучения.

Два года.

Я должен был быть готов - и даже больше, чтобы быть уверенным, что смогу действовать в любой момент. Любое дополнительное время было бы приятно, но, в конечном счете, это не то, в чем я мог быть уверен. Чтобы быть готовым через два года, мне нужно учиться быстрее. Может быть я и был гением, с одной из самых хорошо развитых систем чакр, особенно учитывая мой возраст, но задача, с которой я столкнулся, была сложной.

Если посмотреть на цифры, то ситуация была непростой. Население "деревни" Узушио в то время составляло чуть больше тридцати тысяч человек. Из них, по официальным данным, чуть меньше седьмой части находились в боевом резерве или в каком-либо активном формировании. Это составляло четыре тысячи человек, которые, по крайней мере, номинально были участниками боевых действий.

Но из этих четырех тысяч примерно четверть были запечатыватели, и только один из пяти мастеров был более эффективен, чем, скажем, генин из другой деревни. Из оставшихся двухсот около ста могли сражаться не хуже чунина, а остальные сто могли сравниться с джонином; они были бы «стеклянными пушками», поскольку вражеский джонин, возможно даже чунин, был быстрее и имел больше дзюцу, но контроль поля боя, как оборонительный, так и атакующий, и разрушительный, которого мог достичь хороший боевой мастер печатей, был весьма впечатляющим, особенно на подготовленном поле. Большинство из них находились в резерве или в составе подразделений материально-технического обеспечения.

Из оставшихся трех тысяч человек, прошедших подготовку в качестве клановой или деревенской охраны, около тысячи находились в резерве долгое время и утратили свое преимущество, либо были подразделениями тылового обеспечения и не отличались особой боевой эффективностью, поэтому две тысячи составляли основную часть боевого персонала. Пятьсот из них были генинами или воинами-учениками (помните, в нашей деревне были и самураи). Из пятнадцати сотен, оставшихся около пятисот, могли соответствовать джонину, а остальная тысяча, вероятно, были бы лучше квалифицированы как чунины.

В любой момент времени примерно треть боевых сил находилась в патруле, в составе подразделений Национальной гвардии или была недоступна по другим причинам. Это означало, что вторжение врагов, нацеленное на мой дом, столкнется со следующим:

Четыреста джонинов

Восьмьсот чунин

Две тысячи генинов.

Эти цифры были действительно хороши, учитывая наше население. Вообще-то, в боевой деревне было несколько частных граждан, которые могли сражаться (особенно женщины в самурайских семьях, многие из них были как чунины, некоторые - как джонины), но они были менее организованы и больше подходили для сценария "Враг уже в деревне, мы можем заставить их проливать кровь".

Узушио не проводили активных боевых операций, только охрану покинувших деревню мастеров печатей и национальную оборону, и мы не повторяли дел с деревнями, которые не предпринимали соответствующих мер для защиты наших мастеров. Некоторые, добровольцы, отправлялись на службу в "Лист" на пару недель, согласно нашему союзу, и привозили с собой новые техники, чтобы мы не отставали от жизни.

Из-за нашей общей оборонительной позиции наши люди умирали не так часто, как в других деревнях, и поэтому в среднем достигали более высокого уровня. С другой стороны, наши войска были в среднем немного старше, и у них было меньше опыта реального кровопускания,

хотя все они прошли курс по подготовке. Наша деревня была богатой, и в ней было много мастеров-фуин; наши войска отражали это, и в среднем были лучше оснащены и экипированы, чем наши потенциальные противники, особенно в таких областях, как взрывчатые, защитные и ловушечные печати.

Самой большой проблемой был масштаб: Узушио был относительно мал, и наша культура и военное планирование были направлены на то, чтобы быть в состоянии, чтобы ударить, а не на то, чтобы выиграть войну, победив вражескую нацию.

Для сравнения, в Конохагакуре в то время проживало более двухсот тысяч граждан, а номинальная военная сила составляла двадцать тысяч человек, причем в ней было гораздо больше резервов, больше генинов, и большое количество людей постоянно занималось поддержкой войск даймё и сбором разведданных.

Если бы они пошли на все, Коноха, вероятно, смогла бы выставить около пятисот джонинов или специальных джонинов, тысячу чунинов и двадцать пять сотен генинов для нападения без серьезных потерь для деревенской гвардии или пренебрежения своими феодальными обязательствами перед даймё Огня. Войска Конохи были бы несколько более низкого качества в целом, и значительно хуже оснащены по каждой категории качества.

В то время Коноха была крупнейшей военной силой, поэтому понятно, почему Узушио не могла быть захвачена ни одной деревней. Тем более что бросать вызов запечатывающему на его собственной территории считалось глупым. Вражеские деревни редко работали вместе, поэтому Узушио можно было простить за самоуверенность, но не думаю, что прощение спасет нас.

Большая проблема с вторжением, которого я опасался, заключалась в том, что Узушио не практиковали столь агрессивных мер по увеличению численности населения, как другие деревни. Деревни ниндзя имели высокий уровень убыли и требовали свежей крови. В

результате они развивали культуры, которые эффективно удовлетворяли эту потребность. Кумогакуре Молнии, по слухам, занималось рабством в значительных количествах, что я, как современный человек, посчитал бы ненормальным, чтобы обеспечить достаточное количество женщин для пополнения своих рядов; честно говоря, в историческом контексте средних веков это было не так уж плохо, но даже другие страны считали действия Кумо несколько отвратительными. В Конохе (пример, с которым я был более знаком) была идея, что патриотизм, особенно для женщин, заключается в том, чтобы размножаться с самым сильным мужчиной, которого они могут найти, а затем отправлять детей на военное дело.

У джонина там действительно были стимулы заводить гаремы. Хотя в Узушио разрешено многоженство, супруги и наложницы, наша долгая жизнь и относительно низкий уровень смертности не требовали такой агрессивной философии размножения. Но это относилось к мирному времени. В военное время это означало, что наши потери не заменяли сами себя. А поскольку наши войска, как правило, требовали больше знаний и навыков, нам требовалось больше времени на их подготовку. Серия даже относительно незначительных войн могла истощить наше население и уменьшить наши институциональные знания, истощая нашу силу до тех пор, пока мы не потерпим поражение.

Узушио не подвергался серьезному нападению уже несколько веков. Если бы на нас напали, нам нужно было бы разгромить захватчиков настолько, чтобы они даже не думали об этом снова. Я хотел, чтобы нападение на Узушио стало для всех стран, своей версией сухопутной войны в России зимой; очевидной военной ловушкой.

Итак, мне только что исполнилось четыре года, и мне нужен был способ увеличить наш боевой потенциал как минимум вдвое, а лучше вчетверо, или как вариант, я должен быть способен в одиночку сравняться с боевым потенциалом пятисот джонинов. И, что еще сложнее, мне нужно было сделать это без внедрения технологии, которая в будущем может быть обращена против нас. Например, оружие. Местное оружие было достаточно простым по сравнению с местным уровнем технологии, и, если бы вражеская деревня разработала его, их генины могли бы подняться на новый уровень. Я точно не собирался вводить что-то, что можно было бы так легко использовать против нас.

Такова была моя задача. Стать монстром или создать монстра Узушио, и все это в течение двух лет. И, поскольку я едва ли мог доказать, что являюсь реинкарнацией с потенциальным знанием будущего, я должен был сделать это, не имея возможности получить огромные ресурсы или поддержку от своей деревни.

При моих темпах роста это было невозможно. Даже если предположить, что я разблокировал цепи, и спроецировать мою скорость вперед, мне все равно нужно было, по крайней мере, два года прогресса, чтобы выступить против джонина низкой силы без специальных трюков кровной линии. Если предположить, что я каким-то образом выучил или воссоздал дзюцу теневого клона, которое, судя по объяснениям Тоу-сан о клонах, не было известно в Узушио, я мог бы сравниться с сотней джонинов, но мне все равно не хватало бы способностей для борьбы с титанами S ранга. Такой подход все еще был недостаточен.

Я решил, что если темпы моего роста в то время были недостаточными, то мне нужно их повысить. Это похоже на инвестирование в инфраструктуру и исследования в начале стратегической игры. Дзюцу обмена опытом теневого клона, мой первый выбор, тогда еще не был известен Узушио, а если и был, то на уровне гораздо более высоком, чем те, к которым я имел доступ (независимо от того, насколько любезен был Кадзуо-сама). Хотя мне все равно наверно пришлось бы изобретать теновой клон позже (или украсть его, или как-то купить, я не привередничал), но это было за пределами моего теоретического понимания. Но если я не мог думать больше, я мог думать лучше; таким образом, я выбрал путь ускорения мысли и ментального усиления.

Я уже говорил о том, как ускорение внутренней чакры делает человека быстрее и сильнее. Оказалось, что, хотя для этого можно использовать обычную старую чакру, использование энергий, взвешенных в направлении ки, или ян, дает лучшие результаты. Так, смесь ментальной и физической энергий в пропорции один к двум была почти в два раза эффективнее для физического усиления, чем смесь чакры один к одному. Однако слишком сильный дисбаланс тоже не приносил пользы, так как требовалось время для его изменения, а при дисбалансе дзюцу становилось невозможным.

Укрепление тканей с помощью чакры было аналогичным, хотя кости, мышцы, сухожилия - все имело свою собственную оптимальную смесь. Тоу-сан был кладезем информации. Я не был совершенен или даже очень хорош в то время, но я прилагал усилия, чтобы улучшить и усовершенствовать себя; все эти знания были важны для тренировок.

Аналогичную технику можно было выполнять в уме, но с преобладанием энергии ци (то есть инь или ментальной). Дело в том, что чрезмерная нагрузка на что-либо могла привести к повреждениям: разрывы, ожоги и вызванная чакрой болезненность - вот лишь некоторые из возможных последствий перегрузки.

Я только что оправился от потери мозга из-за болезни; у меня не было особого желания экспериментировать с его выжиганием. Тем не менее, моя душа была местом моего разума. Я должен был быть более устойчив к таким повреждениям, чем другие, а Узумаки, особенно те, у кого плотность чакры была такой же высокой, как у меня, которые тупо регенерировали.

И, если бы я умер, то хотя бы попытался.

К тому моменту мои личные упражнения и медитации по созданию, контролю и ощущению чакры стали в некоторой степени автоматическими. Хотя они были более эффективны, когда я специально тратил на них несколько часов каждый день, я мог продолжать совершенствоваться, используя их в фоновом режиме. Вместо этого я сосредоточился на экспериментах с нейронным и ментальным усилением.

В дни, предшествующие приезду Харуто, моего нового наставника, у меня было немного свободного времени, которое обычно использовалось для медитации или дополнительных занятий. Поскольку Киёси в течение месяца находился в дальнем патруле, других отвлекающих факторов не было, и я стал экспериментировать.

Сначала я хотел определить максимальную нагрузку на нейрон. Я укрепил нерв чуть выше бедра, затем уколел его. Я укрепил его еще немного и продолжал это делать, пока не почувствовал легкое жжение, после чего нерв словно умер. Найдя предел, я установил свой личный предел в два раза меньше и начал испытывать этот уровень усиления в других местах, где я мог позволить себе потерять чувствительность. Я сжег еще несколько нервов, снова уменьшил предел вдвое, затем продолжил тестирование, пока не убедился, что нашел безопасное количество. Затем я повторил процесс, используя инь-доминантное ускорение чакры, которое оказалось в принципе безопасным по своей сути, точно так же, как и ян-доминантное ускорение чакры для моего физического усиления.

Момент истины наступил, когда я начал применять эти принципы к своему мозгу. В первый день я применял только инь-ускорение. Казалось, что я стал немного внимательнее, более осознанным и сосредоточенным, немного увеличилась скорость реакции. Мне показалось, что

моя память тоже стала крепче, а скорость обработки информации - выше. Все это отличные преимущества, которые, вероятно, стоят еще одного стандартного отклонения, или около пятнадцати пунктов IQ, но это не тот прирост, который мне был нужен. Однако это дало мне идею разработать технику инь-усиления для моих сигнальных нервов, чтобы улучшить скорость в бою.

На второй день я начал применять усиление для мозга. И, черт возьми, это был настоящий трип. Оказалось, что, если вы усиливаете участки мозга, вы усиливаете все, что контролирует этот участок. Ощущения, боль, удовольствие, цвета, желание спать вперемешку с маниакальной энергией, эмоции, всё сразу, вперемешку со скачками интуиции и моментами ясной логики.

Если бы у меня не было воспоминаний о детстве, думаю, это могло бы свести меня с ума; если бы у меня не было большей части моего разума в душе, я бы потерял контроль над своей чакрой и, возможно, убил бы себя резкой перегрузкой. Тем не менее, мне удалось сбавить обороты, и я начал систематически проверять, какие области следует усилить и как. В основном я получал все симптомы из тех списков, которые фармацевтические компании обязаны зачитывать в рекламных роликах на телевидении. Когда я не учился у Каа-сан или не тренировался с Тоу-сан, я страдал от временных подергиваний, случайных болей, жжения, внезапных приступов эмоций, гиперсознания, слепоты, раздражительности, истерии, даже икоты, и это только за несколько дней до приезда Харуто.

Тем временем Каа-сан заставила меня начать изучать новый набор печатей. Оказалось, что от меня, как от ученика, ожидали большего - гораздо большего. Я уже знал восемьдесят четыре символа базового, начального уровня. Далее я должен был изучить все их взаимодействия, причем не только в парах, но и в группах. Взаимодействие уплотнений в какой-то степени напоминало взаимодействие атомов; каждый, кто изучал атомную теорию в твердых телах, знает, что нужно беспокоиться не только о ближайших соседних атомах, но и о тех, которые находятся на несколько шагов дальше.

Хотя у печатей были гораздо более странные качества, чем у атомов. Небесное и элементное выравнивание, поляризация измерений и ориентация чакр - все это потенциальные качества, о которых можно было беспокоиться. Более высокоуровневые мастера с хорошей интуицией часто говорили о красоте, нерешительности и других художественных качествах, которые тоже могли иметь свои собственные под-взаимодействия, хотя на моём уровне мне не приходилось беспокоиться об этом. Видимо, целью для моего уровня и тем, что отделяло тех, кто может стать настоящим мастером, от тех, кто не может, была способность развить интуицию

относительно взаимодействия символов печати. Иначе выучить буквально миллионы комбинаций - и это только для самых основных символов - было не реально.

Тоу-сан, чтобы не отстать от меня в "новых интересных вещах, когда тебе четыре года", начал изучать элементные дзюцу. Будучи типом Воды, он не знал тренировок по манипуляции элементами воздуха, но мое сродство к воде все еще было сильным, выше среднего даже для члена клана. Он с радостью предложил мне несколько упражнений для тренировки этой стихии. Я провел несколько часов, сосредоточившись на расширении своих чувств в воде, манипулируя водой из одного стакана в другой, ловя дождь и иссушая листья.

Все прошло очень хорошо. Хотя я, возможно, не тренировал свою близость раньше, моя чакра сама по себе была очень тренированной и отзывчивой, поскольку я сознательно контролировал ее с раннего возраста. Кроме того, моя концентрация была высокой. Уже через несколько дней я обнаружил, что, сосредоточившись, могу выполнять базовые упражнения. Тоу-сан дал мне набор маленьких водяных шариков и сказал, чтобы я попробовал поработать над удержанием одного из них в воздухе, пока я занимаюсь другими делами; это стало для меня новым видом медитации. Крутить вокруг себя, несколько ярких водяных шариков было здорово, удовлетворяя мое внутреннее детское желание быть похожим на какого-нибудь героя комиксов.

Когда первый уровень манипуляций был пройден, он научил меня моему первому водному дзюцу - "Сбор". Это дзюцу, которое собирало около литра воды, обычно из воздуха, но также могло быть использовано на существующих источниках воды, таких как бассейн или река. Она собирала только воду; на низких уровнях она отфильтровывала частицы, но не соли, а на более высоких уровнях вода становилась абсолютно чистой. Это был отличный способ избежать отравления, и, целенаправленно добавляя и затем пытаясь удалить соль, служил отличным методом тренировки и проверки моего контроля над водой.

Не самое яркое дзюцу, и мой внутренний ребенок был немного разочарован, но как дзюцу ранга E-D это был отличный выбор, поскольку я буду использовать его всю оставшуюся жизнь. Буквально с того дня Тоу-сан запретил мне пить любую воду, на которой я не использовал дзюцу. Он даже делал такие вещи, как добавление капсаицина в воду за обеденным столом в качестве ловушки. В то время я не понимал этого, но, оглядываясь назад, он, должно быть, беспокоился о покушении, учитывая мой статус "удивительного вундеркинда".

Достаточно сказать, что я был так занят и собой, и родителями, что почти забыл о Харуто к его приезду.

И каким же он был.

Это случилось, когда я был на тренировочном поле, занимаясь по три часа в день боевыми искусствами и физической подготовкой. Я уже закончил ката и отработку ударов и перешел к тренировочным циклам бега, отжиманий, подтягиваний, прыжков, приседаний, спринтов с быстрой сменой направления и кувырками для уклонения, подъемов ног, и так далее. Затем я повторял эту схему десять раз до полного изнеможения. Первые семь повторов были без подкрепления; последние три круга - с подкреплением, но в еще более жестокое темпе. И да, это было так же отстойно, как и звучит. С другой стороны, благодаря этому и тренировкам по усилению чакры, Тоу-сан сказал, что я стал таким же быстрым, как большинство генинов, и даже поднабрал мышц на килограмм.

Я был на шестом круге. И вот я был весь в поту, который слегка испарялся в прохладном воздухе. Я едва мог видеть, что так сильно сосредоточился, в ушах гудело от шума крови, я доводил свое тело до предела и чуть дальше. И тут, измученный и отвлеченный, я услышал звук приближающегося снаряда и внезапно почувствовал, что кто-то подавляет свою чакру.

Я попытался увернуться, но споткнулся и, к счастью, попал под предмет. Я перекатился, поднялся на ноги и столкнулся с нападавшим. Он быстро двинулся ко мне. Только мое чрезмерное усиление и с трудом набранная скорость позволили мне заблокировать первый удар - удар ногой, который сбил меня с ног, несмотря на мою защиту.

Через мгновение он уже был на мне, перевернул меня, захватил руку за моей спиной и положил другую руку мне на шею, нож в обратном захвате коснулся предплечья и моей артерийной вены. Я замер, охваченный паникой.

В тот момент я подумал: "Нет, нет, НЕТ! Я не могу так умереть, я не сделал того, что должен был, я не прожил эту жизнь до конца, не для этого ублюдка, этого куска дерьма, убивающего

детей, пожалуйста, черт, я должен сначала убить его

И что-то услышало эти молитвы. Это был не Тоу-сан, не Каа-сан и не проходящий мимо Ками.

Это был и не Харуто, если вы думаете, что все к этому идет.

Нет, я слышал эту молитву. Вернее, мое подсознание и чакра слышали, и они ответили.

Чакра хлынула из меня, причем в поистине неприличных количествах. Достаточно, чтобы ошпарить большую часть моей кожи просто от концентрации энергии. И моя чакра, мои цепи, пронзили врага и обвилились вокруг меня, защищая. Мгновение спустя враг рухнул от потока, и я услышал чей-то крик, который говорил мне, что все в порядке, что я могу убрать цепи и сосредоточиться на том, чтобы моя чакра вернулась ко мне.

Я так и сделал, а Тоу-сан и Каа-сан подбежали и обняли меня. Хотя я все еще был немного шокирован, они сказали мне, как они гордятся мной, и как храбр я был, и Тоу-сан даже сказал, что он был впечатлен моей скоростью и силой, и что мы начнем некоторые более продвинутые тренировки на следующий день.

Затем они сделали движение, и появился новый человек. На вид ему было около тридцати лет, но, скорее всего, ему было не меньше шестидесяти, а может, и больше восьмидесяти. Каа-сан посмотрел на него с укором, а Тоу-сан выглядел немного серьезным.

"Дайчи, это Харуто-сенсей. Атака, которую ты только что пережил, была лишь симуляцией опасности, чтобы заставить тебя активировать свои цепи. Харуто-сенсей возьмет на себя твое обучение цепям, а также проведет несколько тренировок по другим искусствам", - объяснил Тоу-сан.

"Черт да..!" - начал отвечать я, все еще пребывая в шоке.

"Язык!" Упс, подумал я. Каа-сан определенно засадит меня за это в конуру.

"Прости, прости. Не каждый день на тебя нападают, ты думаешь, что умрешь, затем убиваешь нападавшего своей ранее неактивной родословной, а потом узнаешь, что это был какой-то садистский тест!".

Так что, да, в то время я был немного зол. Я имею в виду, подлое нападение? Хотя я могу посочувствовать, они должны были хотя бы дать мне возможность разозлиться после. Я думал, что умру, что вся деревня падет. И, к своему стыду, я начала плакать. Я винил в этом детские гормоны моего крошечного тела.

Чертово детское тело и детские эмоции.

Так я познакомился с сенсеем Харуто.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/67973/1817385>